

А. А. ПРОХОРОВ

О ТУРОВСКИХ ПРЕДАНИЯХ

К рассмотрению образа летописного князя Тура исследователи всегда подходили как к единичному и оторванному явлению, как к отдельному «сугубо историческому» фрагменту «Повести временных лет». С другой стороны, возникший в среде историков спор, считать ли его исторической или легендарной личностью и как определить его этническую принадлежность, требовал неких аргументов.

Единственная параллель, на какую обращали внимание, — имя князя, которое имеет прозрачную славянскую этимологию, но при этом в летописи записано в ярко выраженной скандинавской фонетической форме — Туры.

Давно замечено, что для славян было характерным сравнение храброго и сильного воина с туром, древним обитателем Евразии, самым крупным послеледниковым животным этого региона. Этот вывод уже стал хрестоматийным. Образ тура стал основой для устойчивой метафоры. В восточнославянских эпических произведениях воины часто во время сражения уподоблялись рыкающим турам.

В «Слове о полку Игореве» «храбрая дружина, рыкают, аки тури, ранены саблями калеными на поле незнаеме» за обиды своего князя [31, с. 48]. В «Задонщине» сравнение с турами тоже присутствует [10, с. 113], а образ тура стал олицетворением русского войска: «Уже бо ста тур на оборонь!» [10, с. 116], т. е. уже встал тур на битву.

Если с турами сравнивают воинов, то такое сравнение в эпических произведениях носит обобщенный характер и никогда индивидуальный. Индивидуальный характер проявляется только в том случае, если с туром сравнивается сам князь.

Галицко-Волынская летопись сравнивает с туром воинственного князя Романа Мстиславича Галицкого (1155 — 1205): «Устремил бо ся баше на поганья яко и лев, сердит же бысть яко и рысь... храбор бо бе яко и тур» [35, с. 141]. Чешская Краледворская рукопись приводит аналогичное сравнение по отношению к местному славянскому князю: «...tu Vratislau jak tur jari scoii» [2, с. 633—634].

Самые яркие сравнения дает «Слово о полку Игореве». Они относятся к образу Всеволода Святославича (ум. 1196), князя трубчевского и курского — брата главного героя произведения князя Игоря. «Слово» трижды называет его «Буй Тур» [31, с. 40, 48] и дважды — «Яр Тур» [31, с. 42]. Причем именно Всеволод выведен в «Слове» символом боевой доблести и лучших качеств воина: «Ярь туре Всеволоде! Камо, турь, поскачяше, своимь златымь шеломомь посвечивая, тамо лежать поганья головы половецкыя, поскенаны саблями калеными шеломы оварьскыя, оть тебе, ярь туре Всеволоде!» [31, с. 42]. Летописное сообщение об этих событиях в полном согласии со «Словом» также описывает героическое поведение в сражении именно Всеволода [28, с. 274].

Образ уподобляющегося туру князя-воителя имеет, как представляется, древние языческие корни. Это подтверждают характерные для былин превращения князей в туров [34, с. 83—84; 20, с. 100—102]. Это еще языческие образы воинственных князей, которые можно сравнить с языческим уподоблением волку, которое так характерно, например, для Всеслава Чародея. Это та языческая воинская «наука» сакрального свойства для военных предводителей, которая и делает их выше остальных воинов.

Втапоры поучился Вольх ко премудростям:
А и первой мудрости учился —
Обвертоваться ясным соколом,
Ко другой-та мудрости учился он, Вольх, —
Обвертоваться серым волком,
Ко третьей-та мудрости учился Вольх —
Обвертоваться гнедым туром — золотыя рога [4, 43—49, с. 33].

Собственно, именно эти «науки» потом и помогают герою былины знать противника и предугадывать его действия. Таким образом, тур входит в «триаду» воинственных животных древнерусского фольклора, уподобление и вселение в которых делало князей непобедимыми.

Иногда в славянском фольклоре проглядывает и обычай называть туром богатырей. Так, в эпических песнях сербов встречаем Туре Влахине — «богатырь валах» [34, с. 72—73].

Обратим внимание, что к эпитету 'тур' в «Слове» применяются дальнейшие эпитеты 'буй' и 'яр'. Без понимания этого нюанса невозможно охватить проблему в целом. А. Н. Робинсон очень точно отметил, что «ни в одном произведении древнерусской литературы нет такого внимания к понятию «буйство», какое присутствует в небольшом по объему тексте 'Слова'» [28, с. 275]. Но в «Слове» немало языческих мотивов, которые до конца не были изжиты на то время из поэтического творчества. Возможно, и этот образ «буих» князей пришел из язычества.

Обращение 'буй', как и 'тур', по предположению А. Н. Робинсона, подразумевало некую особую характеристику таких князей. Проработав значения семантического поля 'буй, буеть, буйный, буйство' и т. д., он высказал идею, что такие князья впадали в воинственное бешенство на поле боя напоподобие скандинавских берсерков [28, с. 275—287]. С этим вполне можно согласиться.

Таковы итоги уже проведенного ранее этимологического анализа имени. Однако отметим и ограниченность исключительно этимологического подхода. «В лингвистической традиции принято искать ответа на вопрос о происхождении летописных этнонимов в этимологическом анализе, хотя давно стало очевидным, что «внутренняя форма» многих из них не поддается реконструкции, а в остальных случаях ничего не дает для решения проблем этногенеза» [38, с. 161]. Таким образом, необходимо попытаться найти внелингвистическую семантику, которая может стать в такой «темной» ситуации определяющим фактором.

Ведь сообщение летописца не ограничивается упоминанием имени, о чем обычно забывают и не учитывают другие детали сообщения под 980 г. в «Повести временных лет»: «Бе бо Рогъволодь пришедь и заморья, имяше власть свою в Полотъске, а Туры Турове, от него же и туровци прозвашася» [25, с. 36]. Здесь в один ряд с именем Тура поставлено имя исторического полоцкого князя Рогволода, на что уже неоднократно обращали внимание историки. Но перед нами и еще одно совершенно «банальное» упоминание о происхождении от имени князя названия жителей города. Может быть, поэтому эта деталь всегда уходила из поля зрения историков.

Но уже здесь возникает совершенно очевидная проблема. В соответствии с летописной версией оказывается, что туровцы названы по имени князя, а не по названию города, что соответствовало бы лингвистическим представлениям о форме этого слова [38, с. 161], как в образованиях: Новгород — новгородци, Муром — муромци и т. д. Такая «этимологическая» уверенность летописца и может указывать на существование мифологической ситуации в его рассказе, когда он получил эти сведения из источника, которому доверял.

Мнение о наличии в древнерусских летописях многочисленных собственно народных преданий было высказано давно [39, с. 340], и теперь его разделяет большинство ученых [21, с. 280—283]. Собственно об этом пишет и сам летописец: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отец своих и преданья, кождо свой нравъ» [25, с. 10]. Постепенно попытки исследования этого древнего устного народного творчества становятся все более масштабными [30], что заставляет использовать новые методы, искать новые возможности для реконструкции.

Свидетельство летописца о князе Туре давно предложили рассматривать как предание [8, с. 22—24]. Отнесение появления названия племени или рода к имени первопредка было распространенной «народной этимологией» уже в период Нестора, что отразила и летопись. Д. С. Лихачев указывал, что даже сам фразеологический оборот, употребленный летописцем, очень характерен для его стиля, когда он рассказывал о выведении названий племен или городов от имени князей: от Рюрика и его братьев — «и от те прозвася Руская земля...», Радим сел на реке Сож, «и прозвашася радимичи», а его брат Вятко — по Оке «от него же прозвашася» вятичи [21, с. 392—393, 404]. Аналогично и в нашем случае о Туре: «...от него же и туровци прозвашася». Т. е., возможно, это указывает на использование летописцем трафарета [21, с. 404]. Однако во всех перечисленных случаях летописец уже пользовался историческими преданиями.

Тогда продуктивной может оказаться и попытка выявления других мифологических параллелей для летописного сообщения о князе Туре. Оказывается, что до конца не исчерпаны в отношении поиска мифологических параллелей и возможности собственно славянской мифологии. У западных славян мы находим важную мифологическую параллель к образу полесского князя, которая в этом контексте еще не рассматривалась.

Речь идет об очень популярном чешском летописном предании, изложенном Козьмой Пражским в своей «Чешской хронике». Относит его чешский летописец к древнейшим мифологическим временам до правления исторических чешских князей, когда чехи сражались за гегемонию в регионе с соседним племенем лучан. Дело шло к решающему сражению.

«В то время был один человек, который выделялся красивым телосложением и высоким ростом. Имя его было Тыр (Тура), и по власти он был вторым после князя. В сражении, когда на него нападали тысячи врагов, он никого не боялся, ни перед кем не отступал» [Козьма Пражский I, 12]. Перед решающим сражением князь тайно передел Тыра в княжеские одежды, и тот возглавил войско. В битве Тыр погиб, предварительно завещав похоронить его на холме [Козьма Пражский I, 12].

Предание относится к древнейшему устному чешскому фольклору, существовавшему еще в языческие времена, о чем совершенно недвусмысленно пишет сам Козьма: «Мы не признали за лишнее вставить на этом месте в наш труд краткое описание того, что нам известно по слухам о битве, которая произошла задолго до этого ...на поле, называемом Турзко, между чехами и лучанами» [Козьма Пражский I, 10]. Топонимы типа Турзко представлены во многих славянских регионах.

Название поля с очевидностью перекликается с именем погибшего на нем героя, и это дает нам возможность пристальнее взглянуть на написание имени в летописи — Тура. Дело в том, что буква ‘у’ в средневековой европейской латыни могла передавать очень широкую гамму звуков — ы, и, у, а иногда и другие. Поэтому само древнее звучание имени останется загадкой. Другое дело, что подсказкой для нас является название самого поля — Турзко.

Предание о битве чехов было очень популярно в народе. До сих пор известно то место, где по преданию и произошло сражение. Поле Турзко расположено недалеко от Праги, на северо-запад, на берегу реки Влтава. Здесь находится большой курган, известный в народе как «Честмирова могила», т. к. в Краледворской рукописи имя Тыра было заменено на Честмир.

Еще одна Турова могила упомянута в письменных документах 1321 г. у восточных славян на украинском Полесье, под Луцком [9, с. 175].

Как видим, все сохранившиеся описания славянских князей, которые сравниваются с туром или носят имя Тур, очень схожи. Они дают нам вполне четкую характеристику приписывавшихся качеств князьям, носившим имя или прозвище Тур: воинственность и сила, а в языческое время, видимо, и понимание непосредственного уподобления князя этому животному.

Западнославянский мифологический пример может оказаться для нас крайне важным, т. к. показывает переход от мифологических легенд к уже историческим преданиям.

Но все эти рассуждения, их внутренняя логика вполне могут оказаться неполными, если мы не рассмотрим проблему имени князя исходя из широкого индоевропейского контекста. Перед нами возникает иная картина. Оказывается, что имя родоначальника — Тур — отнюдь не одиноко в индоевропейском мире.

Из всего мифологического материала будем отбирать те параллели, которые объединены тремя условиями. Естественно, прежде всего, это генетическое родство имени предводителя, которое коррелирует у индоевропейцев с названием быка. Вторым таким компонентом станет мотив о происхождении названия народа от эпонимического предка. И третий компонент —

топографический комплекс, который в летописном сообщении определяется привязкой к названию самого города Тура, но, как мы впоследствии увидим, имеет гораздо более широкое распространение.

Древнейшая зафиксированная индоевропейская традиция, которая знает мифологического «тезку» полесского князя Тура, — иранская. Имя Тур носит один из героев древнейшей поры в мифологической истории иранских племен по «Авесте», а потом наиболее полно изложенной Фирдоуси в «Шах-намэ». В рассказах о Туре речь идет о мифических первых временах творения и становления Иранского государства, возникновения соседних стран и народов.

В «Шах-намэ» имя Тур носит средний сын царя Феридуна (авест. Траэаона), при котором в Иране существовал «золотой век» благоденствия и процветания. У Феридуна было три сына: Сельм (авест. Сайрима), Тур (авест. Тура (Thurgb)) и Иредж (авест. Арья). Этот авестийский миф связывают с мифологическими представлениями иранских племен об общем происхождении от единого предка. В сыновьях Траэаоны / Феридуна угадываются родоначальники племен: Арья — ариев, Тур — туранцев и Сайрима — сарматов [18, с. 18; 7, с. 59]. Такие этногенетические мифы были распространены у иранцев. Да и античные писатели неоднократно утверждают, что иранцы часто называют свои племена и роды по имени основателя [18, с. 85; 3, с. 15—20]. Центральное место, как это часто бывает в индоевропейских мифологиях, занимает младший сын — Арья. В нем легко узнать эпонимического предка всех иранских племен, самоназвание которых и было — арья ‘высший, благородный, верный правильным обетам’. Повествование о Туре является составной частью этого мифологического сюжета о родоначальниках.

В «Шах-намэ» мы находим объяснение, почему Феридун дает сыну такое имя. Отец испытывает своих сыновей, представ перед ними в образе ужасающего дракона, изрыгающего огонь. Именно Тур первым

готов сразиться с чудовищем [37, т. 1, 2790—2826]. Только после этого испытания отец готов дать имена своим сыновьям.

«Ты, средний, безмерную удаль явил,
Гнев пламенный в битве придал тебе сил.
Зовись же ты именем Тура, о лев!
Свирепых слонов сокрушил бы твой гнев.
Отвага уместная красит бойца;
Кто сердцем пуглив, не достоин венца» [37, т. 1, 2857—2862].

Тут перед нами древний общеиндоевропейский обычай — имя должно было отражать принадлежность человека к варне. Для воинов это было все-

гда выражение воинственности и силы. Наречение именем после обязательного испытания являлось распространенным иранским обычаем [3, с. 22—23], поэтому вполне обоснована и смысловая нагруженность имени.

Таким образом, получение имени этим эпическим персонажем связано с его качествами: силой, отвагой, удалью, воинственностью. Отчетливо видно, что смысл получения имени Тур у иранцев во времена жизни Фирдоуси был еще повсеместно понятен. Фирдоуси еще раз подчеркивает это, указывая на гороскоп Тура, когда созвездие Льва располагается над Солнцем, предвещая среднему сыну судьбу воинственного и сильного человека [37, т. 1, 2885—2886].

Подобное имя в контексте иранской культуры не может выглядеть случайностью и с лингвистической точки зрения. В иранской и, шире, в индоиранской традициях существует богатое семантическое поле с основой *tug-*, *taug-*, которое презентует несколько крайне показательных понятий.

К индоиранской эпохе восходит **tuga-* ‘быстрый’, скр. *tugb-*, ж. р. *tugn-* ‘быстрый, стремительный’, *tug-* ‘спешить, быстро двигаться’ (все связано с *tuag-* ‘спешить’) [43, с. 110; 1, с. 319]. В санскрите эта основа в разных огласовках дала обильное семантическое поле со значением «преодолевать, перебираться, быстро и стремительно двигаться». Связь усматривают в осетинском *tug* и *tugj* *tugm*ж «напролом» [1, с. 319]. Уже классическим выведением стало название реки в Скифии, записанное греками как Тирас (Фэсбт, ион. Фэсзт, *Tugas*) и, по всей видимости, передающее скифское название Днестра ‘Быстрая, Быстрица’ [1, с. 319].

Правда, когда исследователи столь единодушно характеризуют семантику быстроты, забывают о других значениях слова *tugb* ‘быстрый; готовый, охотный’, но и *tugb* ‘сильный, мощный, превосходящий; богатый, изобильный’ [43, с. 110; 16, с. 244]. Сюда же перс. и курд. *tūr* ‘ярый’ [1, с. 185]. Семантика силы вполне приписуется этому понятию, как в скр. *tuga* ‘сила, мощь, победа’ [16, с. 245]. Просматривается тесное переплетение данной основы с идеей победоносности, силового преодоления сопротивления врага. Это видно в эпитете Индры *tugv-shvh* ‘быстро покоряющий’ [43, с. 110]. В санскрите эта основа *tug-* связана также с понятием всепобеждающего воина *viśvatūr-* [46, с. 235.].

Иранские диалекты и другие индоиранские языки не донесли до нас слова *tug* в значении «бык, дикий бык». Однако есть веские аргументы, чтобы предполагать корреляцию основы *tug-* с названием крупного рогатого скота или быка в иранских языках.

Фирдоуси называет отцом Феридуна Атбина [37, т. 1, 1492]. Но пехлевийские источники, более ранние в сравнении с «Шах-намэ», указывают

отцом Траэаоны / Феридуна Пуртура, или Пургава. Так его называет «Бундахишн» [27, с. 187]. Причем этимология второго имени практически не вызывает сомнений у лингвистов: *pu-* ‘сын’, *gau-* ‘бык, корова’, т. е. в переводе: «сын быка или коровы». Тогда можно говорить о полной синонимичности двусоставных имен одного персонажа, одно из которых Пуртур. Это четко показывает, что в составе этих двусоставных имен под названием *tug-* скрывается не только понятие «сила», но и понятие «бык». В этом случае будет наблюдаться полное тождество со славянским материалом.

Итак, иранское эпическое предание о мифологическом правителе Турана — Туре было частью иранских мифов. Тур и его потомки — племя туров-туранцев — мыслилось ближайшей этнической родней иранцев, хотя и враждебной.

Сближает мифологические образы двух Туров-правителей — иранского и полесского — причисление их к эпонимам. Как в белорусском варианте легенда связывает происхождение названия населения города с именем князя, так иранский эпос напрямую увязывает с именем Тура происхождение названия страны Туран на восток от Ирана, которую он получил от отца в удел. Его стали звать Тураншахом. По имени Тура страна получила название Туран [37, т. 1, 2907—2914], а населявший страну народ — туры (авест. *tūra-*), что в русских переводах передается как туранцы.

Заметно и соответствие самих имен, отражающих идею силы и могущества. У славян это результат метафорического приравнивания к могучему животному, у иранцев — обращение к семантическому полю с идеей быстроты и силы, а возможно, некогда связанному также с понятием быка.

Еще один регион, который дает многочисленные примеры соответствия славянскому материалу, — кельтский мир.

Кельтский мир знал немало имен, которые могут нас заинтересовать. Во время Галльской войны Цезарь пишет, что проживающее около р. Родан племя гельвиев было разбито соседями и потеряло «...много человек убитыми, в том числе и своего князя Г. Валерия Доннотаура (Donnotaugus), сына Кабура» [Цезарь. О галльской войне VII, 65, 2]. Это имя кельтского правителя представляет огромный интерес, так как его, видимо, можно напрямую связать со знаменитым эпическим произведением ирландских кельтов «Похищение быка из Куальнге». Речь в нем идет об отчаянной борьбе ирландских героев из разных племен за магического быка, олицетворявшего само сакральное плодородие. Звали быка Дон (Донн). «Это слово, употребленное как прилагательное, означает «коричневый, бурый», в качестве же имени существительного — «судья, аристократ, король» [40, с. 222]. Вторую часть имени сопоставляют с ирландскими названиями быка tarb или taruos.

Известный кельтолог Дарбуа де Жюбенвилля предлагал читать имя гельвийского вождя из Южной Франции как Donnno-taruos, полагая, что свое имя он получил в честь эпического быка [40, с. 222].

Иногда «бычьи» имена носят и кельтские божества, правда, плохо нам известные. Сохранился алтарь в честь Тарвоса Тригарануса (Tarvos Trigaranus) — «бык с тремя журавлями», на котором это божество действительно изображено в виде быка. Считается, что изображение сопоставимо с какими-то кельтскими мифами [40, с. 286—287].

Интересное предание о происхождении кельтов передал римский историк Аммиан Марцеллин. Он предпринял попытку разобраться в легендах о происхождении этого народа и привел несколько вариантов, которые, видимо, связаны с разными племенными группировками и даже с разными социальными группами. Среди них одно интересно в контексте нашего исследования: «А местные жители более всего склоняются к другому преданию, и я сам читал его в виде надписей, высеченных на памятниках в Галлии. Сын Амфитриона, Геркулес, спешил, чтобы сразиться со свирепыми тиранами Герионом и Тавриском, из которых первый терзал Испанию, второй — Галлию. Победив обоих, он сходил с благородными женщинами и имел много детей, которые и назвали страны, где они повелевали, своими именами» [XV, 9, 6].

Изложенный Аммианом Марцеллином миф достаточно противоречив. Бросается в глаза, что в мифе действуют многие греческие мифологические герои (или имена героев грецизированы). Для классической мифологии представленные образы сопоставлены необычно. Дело в том, что Амфитрион действительно считался отцом Геракла-Геркулеса. Остается загадкой, упомянул ли Аммиан об отцовстве Амфитриона в соответствии с местным мифом или же попытался объяснить своим читателям, по его мнению, упущенное.

Образ Гериона также был хорошо известен греческой мифологии. Образ поистине ужасный: Герион был рожден от чудовищных созданий и имел три головы и три сросшихся туловища. Жил он на острове на крайнем западе, который был красным от заходящего солнца. Герион был владельцем необычных коров. Геракл застрелил Гериона из лука и забрал коров, совершив, таким образом, свой десятый подвиг. В данном случае в глаза бросаются расхождения мифов — традиционного греческого и приведенного Аммианом. У греков Герион никак не правитель и с Иберией никак не связан. Тавриска же греческая мифология не знает вовсе, как и путешествия Геракла в Галлию. Это свидетельствует о сложном совмещении греческой и кельтской мифологий в отрывке Аммиана. Сопоставление имен кельтских и

античных богов было давней традицией еще со времен Цезаря, когда он всем кельтским божествам придал римские имена. Аммиан решил использовать такой же принцип, чтобы его рассказ был доступен многим читателям в разных уголках империи. Поэтому особенно важно, что сам историк однозначно высказался о его местном происхождении.

Основными действующими лицами в мифе выступают три персонажа — Герион, Тавриск и Геракл, сын Амфитриона. Причем двое названы тиранами. В данном случае это может свидетельствовать, что, по мнению авторов мифа, их власть была незаконной. В любом случае ясен негативный характер их образов. Каждый из них властвовал на определенной части расселения кельтов. Тогда ситуация напоминает иранский пример: вся территория расселения иранских племен разделена между братьями. Присутствует и мифологический мотив названия народов по именам прародителей. Только в иранском мифе — в честь трех братьев, сыновей Траэаоны, а в кельтском мифе — в честь детей Геркулеса от «благородных женщин». Правда, кельтский миф не упоминает об общем родстве трех этих персонажей. Однако некая актуальность образа отца для мифа проявляется при упоминании Аммианом «сына Амфитриона, Геркулеса». Как и в иранском мифе, также присутствует и мотив убийства, правда только косвенно.

Образы Гериона и Тавриска имеют непосредственное отношение к быкам. Если связь Гериона с быками опосредована его владением бычьим стадом, то для Тавриска или не нашлось прямой греческой параллели, или был использован прямой перевод, благодаря созвучию с греческим. Имя Тавриск означает просто «Бычий». Его образ иногда сопоставляют с мифом о Минотавре, подозревая у него некую часть тела быка [40, с. 211], что представляется совсем не обязательным, если учитывать популярность подобных имен. О том, что в мифе это могло быть аутентичное имя, свидетельствует эпиграфическая фиксация имени Teuriscus у кельтов [49, с. 26]. Внешняя грецизированность звучания вполне вписывалась в концепцию Аммиана и потому могла быть сохранена.

Все это может свидетельствовать о существовании у кельтов очень схожего с иранским мифа о происхождении различных племен от предков-эпонимов, в котором принимал участие и персонаж под именем Тавриск. При этом Аммиан Марцеллин специально указывает, что местное население (за исключением друидов) отдавало предпочтение именно этому мифу. Скорее всего, данный миф являлся локальным вариантом эпонимического предания.

С другой стороны, кельтский мир насыщен этнонимами, соотносимыми с названием быка. Иногда можно увидеть и эпонимическую основу таких

названий. Причем часто здесь мы видим целые топонимические комплексы, хотя не всегда можем найти привязанные к ним эпонимические предания.

Насыщенную интересующую нас топонимику встречаем в западных прибрежных областях Италии. Здесь, в альпийских предгорьях, обращенных к Италии, проживало лигурийское племя тавринов (ФбхсЯнпй) [Полибий XXXIV, 10, 18, 3; Страбон IV, VI, 6, 2]. У тавринов был силен кельтский этнический компонент.

Район расселения тавринов был насыщен топонимами, коррелирующими с названием самого племени. Горы в районе проживания лигурийских тавринов носили название Таврских [33, с. 47]. В этих горах располагалось важное в стратегическом отношении Тавринское ущелье [Ливий V, 31, 9; Страбон VI, VI, 12].

Аппиан упомянул название главного города племени тавринов — Таврасия (Taurasia) [Аппиан Алекс. VII, II, 5]. Впоследствии император Август основал на месте столицы тавринов город Augusta Taurinorum [Тацит. История II, 66]. Потом этот город стал крупным центром — лат. Taurini, Turin, итал. Torino [44, с. 311]. Интересно сохранение семантики. В средневековье гербом туринской армии был золотой разъяренный бык на голубом поле [42, с. 471].

Таким образом, перед нами этнонимическо-топонимический комплекс, который тесно связан с названием племени. Наличие подобного комплекса затрудняет определение этимологии названия племени тавринов, тем более что кельтские языки дают богатые возможности. Название племени и соответственно города можно выводить из кельтского *taugo* ‘гора’, *tug* ‘вода’, *taugo* ‘бык’ [42, с. 471].

Аналогичный этнонимическо-топонимический комплекс мы находим и на другой, восточной оконечности Альп, в Норее, где проживало племя таврисков. Страбон относит племя таврисков (ФбхсЯукпй) к иллирийскому племени нориков [Страбон IV, VI, 9, 12]. Судя по всему, именно смешение нориков с кельтами и привело к созданию нового племени — таврисков. В земле нориков-таврисков в Альпах существовал и город Теврина (Теурния) [22, т. 4, с. 107, 634—635], в котором также угадывается племенной центр. Здесь, в Восточных Альпах также существовало название Тавр для гор, отделявших долину Дравы от севера [22, т. 4, с. 106].

В III — середине I в. до н. э. в Восточно-Карпатском регионе с западной стороны гор проживало кельтское племя таурисков (Taurisci) [Страбон V, I, 6; VII, II, 2; VII, III, 2, 11; VII, V, 2]. Происхождение названия племени таурисков связывают с названием быка *taugo* [48, с. 30].

Наряду с таурисками (ФбхсЯукпй) Страбон называет племя теуристов (ФехсЯуфпй), однозначно относя их к кельтам и одновременно отличая

эти племена одно от другого [Страбон VII, II, 2, 8—12]. Племя теуристов проживало в северной Трансильвании и первоначально входило в федерацию таурисков [48, с. 17].

Надо отметить, что широкое распространение одинаковых названий племен не должно нас смущать, так как это явление было широко распространено на территориях проживания кельтов.

Есть и другие примеры употребления в кельтской этнонимии и топонимике основы *taug-*, *tug-*. Название бельгийского города Турнэ (Turnai) — доримское название Turnacus, римское *civitas Turnacum* — предание связывает с именем его основателя Турна (Turnus) [42, с. 465]. Название города дало и название области — Турнези [44, с. 272, 366, 377, 393]. Легенда повествует, что Турн был вождем или царем в этой местности и основал городское поселение. Предание считает Турна римлянином. Такие римские имена действительно знает ранняя италийская история. Однако, учитывая доримское время основания города, это маловероятно. Тем более, что имя Турн известно и у галлов. Правда, предлагается не только эпонимическая этимология

названия города, а выведение от кельтского *turno* 'высота, возвышенность' и далее со значением «укрепленное место», «обрывистая скала» [45, с. 1101; 42, с. 465]. Такие названия были популярны у кельтских укрепленных поселений.

Схожая ситуация с французским городом Турно (Tourno), основателем которого предание считает галла Турна (Turnus). Опять же еще одной возможной этимологией признается *turno* [42, с. 465].

В среднем течении реки Лигер (совр. Луара) армия Гая Юлия Цезаря встретила и вела войну с племенем туронов — лат. *tuironi*, *tuirones* [Цезарь. О галльской войне II, 35]. Впоследствии на их землях было основано римское поселение Цезародунум — «крепость Цезаря» [42, с. 465]. Община же сохранила наименование *civitas Tuironorum* или *civitas Tuironum*. Но уже в период поздней Римской империи мы знаем этот город — столицу племени туронов под новым названием в честь племени, которое возможно издавна было неофициальным, — Турон (Tuirones), а потом Тур (Tours). Вся область в позднеримское время носит имя *Tuironicus*, потом при падении римского влияния — *Tuironia* [44, с. 276, 375, 388], а в средневековой Франции — *Touraine*, которое традиционно употребляется и до сих пор [44, с. 271]. Название же племени туронов обычно сравнивают с кельтским *tur* 'вода' [42, с. 465]. Действительно, этот корень был достаточно употребим у кельтов в названиях рек. Но тут необходимо уточнение. Подавляющее большинство названий у кельтских племен, которые поддаются переводу, отражают прежде всего идею силы и воинственности. Поэтому в данном случае значение

термина скорее можно переводить не просто «водные», а «сильные и неустойчивые, как текущая вода».

С кельтским *tur* 'вода' связано огромное количество кельтских топонимов практически по всей территории их расселения, как, например, швейцарский Цюрих (нем. *Zurich*, итал. *Zurigo*), ведущий начало от кельтского поселения Турику (кельт. *Turicu*, лат. *Turicum*, ср.-век. *Turi*, *Turich*) [42, с. 512; 44, с. 366].

Пиренейский полуостров также насыщен интересующими нас антропонимами и топонимами. В период его завоевания римлянами в Кельтиберии известен «царек» города Алка — Турр [Ливий XL, 49, 4]. Здесь же, на Пиренеях, еще один «чистый» пример — город Туробрига [12, с. 70], где второй корень двусоставного слова очень часто встречается в названиях кельтских укреплений на холме и прозрачен: *briga* — «холм». Именно в Иберии основы *Turo-*, *Tura-* были широко распространены в личных именах: *Turos*, *Turais*, *Turavus*, *Turainus* [15, с. 193]. На востоке Пиренейского полуострова протекала река *Turcius* (совр. *Turia*) [Авиен Руф. Описание 480—483, с. 234, 231].

После этого экскурса в индоевропейскую мифологию, возвращаясь в Туров, мы обнаруживаем здесь схожую топонимическую ситуацию.

Несколько объектов с названием Тур или даже Туры (!) фиксировалось и фиксируется в пределах или в непосредственной близости от города. Причем надо отметить интересную особенность: чем более раннее сообщение, тем четче выступают в них подобные изначальные названия. Это безусловно свидетельствует о древности формы. Позднее появляются скорее определения «Туровы», что уже свидетельствует о переосмыслении.

Пока самое первое известное упоминание топографического объекта в районе Турова с названием Тур относится к описанию начала XIX в. Причем так названо урочище, где расположен и колодец Тур [11, с. XII]. Впоследствии такое название урочища больше не упоминается.

Иногда указывается, что в пределах Турова протекала река Тур или известная сейчас другая река именовалась Тур [24, с. XXI; 36, с. 7—8, 241; 17, с. 73—75].

Интересный топоним Турин рог [23, с. 179] — лощина между двумя холмами, густо заросшая кустами. Она до сих пор известна местным жителям.

Но самые популярные и устойчивые топонимы предания связывают непосредственно с деятельностью князя Тура. Название Тур-гора, или Турова гора, носит гора, на которой располагался укрепленный центр средневекового Турова. Предание упорно говорит о том, что эта гора была насыпана по

приказанию князя Тура [41, с. 42; 23, с. 173; 47, с. 629, 650; 32, с. 513; 8, с. 17; 29, с. 560].

Также колодец Тур, по преданию, получил свое название от имени выкопавшего его князя [11, с. XII; 6, с. 20; 5, с. 116; 23, с. 176; 13, с. 379; 47, с. 629, 650; 32, с. 513; 8, с. 17; 29, с. 560; 26, с. 257; 19, с. 281].

Названия с основой *tur-* и генетически ему родственные характерны не только для туровского региона, но они очень густо разбросаны в других славянских местностях. Однако и здесь они прикладываются для названий различных топографических объектов: возвышенностей, рек, городищ и т. д. Вопрос о связи всех этих топонимов исключительно с названием дикого животного все-таки до конца не может считаться решенным.

Итак, существует группа мифов, которая так или иначе связывает имя Тур или генетически родственные ему имена, обычно коррелирующие в индоевропейских языках с названием быка, и олицетворяет идею

воинственной мощи и силы с происхождением названия народа от имени героя с подобным именем. А в кельтской и славянской традициях распространен еще и схожий топонимический комплекс.

Подобные мифологические параллели к образу полесского князя Тура отнюдь не служат аргументом ни в пользу его историчности, ни в пользу его легендарности. Дело в том, что определенные мифологические комплексы могли связываться с конкретными историческими личностями, а конкретные исторические ситуации по мере их временного отдаления могли приобретать откровенно мифологическую окраску.

Зато такие мифологические и топонимические параллели укрепляют уверенность в том, что уже в летописном сообщении отражено именно народное предание о происхождении Турова. Эти предания могли подпитываться еще более древними индоевропейскими представлениями. Об этом же свидетельствуют и сохранившиеся фрагменты древних мифов в туровских устных преданиях, которые были записаны за последние два столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев, В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3 / В. И. Абаев. М., 1979.
2. *Афанасьев, А.* Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1 / А. Афанасьев. М., 2002.
3. *Бессонова, С. С.* Религиозные представления скифов / С. С. Бессонова. Киев, 1983.

98

4. Волх (В)сеславьевич. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.
5. Воспоминание о древнем православии Западной Руси // Памяць. Жыткваіцкі раён. Мн., 1994.
6. *Гаусман, М.* Исторический очерк местечка Турова, прежней столицы удельного туровского княжества / М. Гаусман. Мн., 1873.
7. *Грантовский, Э. А.* Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху / Э. А. Грантовский, Д. С. Раевский // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
8. *Грушевский А.* Очерк истории Турово-Пинского княжества (XI—XIII вв.) / А. Грушевский. Киев, 1901.
9. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.
10. Задонщина / пер. Л. А. Дмитриева // Повести ратной славы Древней Руси. Воронеж, 1986.
11. *Калайдович, К.* Введение // Памятники российской словесности XII в. / К. Калайдович. М., 1821.
12. *Калыгин, В. П.* Введение в кельтскую филологию / В. П. Калыгин, А. А. Королев. М., 1989.
13. *Киркор, А. К.* Живописная Россия. Литовское и Белорусское Полесье / А. К. Киркор. Мн., 1993 (репринт, СПб., 1882. Т. 3, ч. 2.).
14. *Козьма Пражский.* Чешская хроника / Козьма Пражский; вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М., 1962.
15. *Королев, А. А.* Древнейшие памятники ирландского языка / А. А. Королев. М., 1984.
16. *Кочергина, В. А.* Санскритско-русский словарь / В. А. Кочергина. М., 1996.
17. *Крывіцкі, А. А.* Тураў — князь ці рэчка Тур? / А. А. Крывіцкі, М. А. Саскевіч // Памяць. Жыткваіцкі раён. Мн., 1994.
18. *Кузьмина, Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба / Е. Е. Кузьмина. М., 1977.
19. Легенды і паданні / пад рэд. А. С. Фядосіка; склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. Мн., 1983.
20. *Липец, Р. С.* Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах / Р. С. Липец // Славянский фольклор. М., 1972.
21. *Лихачев, Д. С.* «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк). Комментарии / Д. С. Лихачев // Повесть временных лет. СПб., 1999.
22. *Моммзен, Т.* История Рима. Т. 1—4 / Т. Моммзен. М., 1997.
23. Описание церквей и приходов Минской епархии. V. Мозырский уезд. Мн., 1879.
24. [Епископ Минский и Туровский Евгений (Шарашилов)] Очерк истории Турова // Творения Святаго отца нашего Кирилла епископа Туровскаго. Киев, 1880.
25. Повесть временных лет // подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. СПб., 1999.
26. Поездка в Пинск и Туров // Минская старина. Вып. 2. Мн., 1911.
27. *Рак, И. В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана / И. В. Рак. СПб., 1998.

99

28. *Робинсон, А. Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. / А. Н. Робинсон. М., 1980.
29. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / под ред. В. П. Семенова. Т. IX: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб., 1905.
30. *Рыбаков, Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи / Б. А. Рыбаков. М., 1963.
31. Слово о полку Игореве / пер. Д. С. Лихачева // Повести ратной славы Древней Руси. Воронеж, 1986.
32. *Случевский, К. К.* По Северо-Западу России. Т. 1—2 / К. К. Случевский. СПб., 1897.
33. *Соломонік, Е. І.* Таври і Тавріка / Е. І. Соломонік // Археологія. 1976. Вып. 20.
34. *Сумцов, Н. Ф.* Тур в народной словесности / Н. Ф. Сумцов // Киевская старина. 1887. Т. XVII, янв.
35. *Творогов, О. В.* Тур // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / О. В. Творогов. Т. 5. СПб., 1995.
36. Тураўскі слоўнік. Т. 1. Мн., 1982.
37. *Фирдоуси.* Шахнаме / Фирдоуси / изд. Ц. Б. Бану-Лахути, А. Лахути, А. А. Стариков. Т. 1—2. М., 1993.

38. *Хабургаев, Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет»: в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза / Г. А. Хабургаев. М., 1979.
39. *Шахматов, А.* Разыскания о древних русских летописных сводах / А. Шахматов // Разыскания о русских летописях. М., 2001.
40. *Широкова, Н. С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности / Н. С. Широкова. СПб., 2000.
41. *Шпилевский, П.* Мозырщина / П. Шпилевский // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 3.
42. *Cherpilloud, A.* Dictionnaire Etymologique des Noms Gйographiques / A. Cherpilloud. P.; N.Y., 1986.
43. *Macdonell, A.* A Sanskrit-English Dictionary / A. Macdonell. L., 1893.
44. *Moreau, J.* Dictionnaire de Gйographie Historique de la Gaule et de la France / J. Moreau. P., 1972.
45. *Pokorny, J.* Indogermanisches Etymologisches Wurterbuch. Bd. I—II / J. Pokorny. Bern; Mьnchen, 1959.
46. *Sihler, A. L.* The Etymology of PIE *rēg- 'KING' etc. / A. L. Sihler // JIES. V. 5. N 3. 1977.
47. *Siownik geograficzny Krylestwa Polskiego i innych krajyw Siowiacskich / pod red. B. Chlebowskiego.* T. XII. Warszawa, 1892.
48. *Szaby, M.* The Celtic Heritage in Hungary / M. Szaby. Budapest, 1971.
49. *Woҗniak, Z.* Wschodnie pogranicze kultury latecskiej / Z. Woҗniak. Wroҗciaw; Warszawa; Krakyw; Gdacsck, 1974.